

С. А. Патков

ПАЙКИ, РАСПРЕДЕЛИТЕЛИ И ТЕРРОР: ПОЛОЖЕНИЕ ПИСАТЕЛЕЙ В СОВЕТСКОЙ ПРОВИНЦИИ В 1930-е ГОДЫ

Историк русской общественной мысли, публицист и литературный критик Р. В. Иванов-Разумник, в полной мере познавший опыт чекистской тюрьмы и ссылки, одним из первых начал восстанавливать факты необычной истории русской словесности в советскую эпоху и описывать судьбы деятелей отечественной литературы. Он отмечал: «...Судьба русских писателей минувшей четверти века была трагичной – у многих, драматичной – у всех (лакеи от литературы не в счет), а драма и трагедия человечества – всегда стоят пристального внимания». Разумник Васильевич выражал надежду, что рано или поздно будет составлен полный список и дано описание участи всех пострадавших или погибших писателей. О своих же сведениях он сообщал: «...Знаю далеко не о всех; так, например, судьбы провинциальных и областных писателей, подвергшихся “ежовскому” погрому в 1937 году, мне почти неизвестны. Но и без них синодик этот достаточно велик»¹.

Приоткрывшиеся тайники «спецхранов» и советских спецслужб дают возможность теперь продолжать начатую работу. Они позволяют по материалам отдельных регионов (в данном случае – Сибири) постепенно накапливать и восстанавливать недостающие детали общей картины, возвращать забытые имена и факты.

Положение провинциальных писателей, журналистов и творческих людей вообще никогда не было стабильным на советской почве. Уже ранний большевистский режим начал активно подчинять себе духовную сферу, создавая особый тип «пролетарской литературы» и устрояя из общественной жизни «отжившие элементы» из числа «буржуазных» литераторов. Однако пока процесс этот только наби-

¹ Иванов-Разумник Р. В. Писательские судьбы: Тюрьмы и ссылки / вступ. статья, сост. В. Г. Белоуса. М.: Новое Литературное Обозрение, 2000. С. 25, 46.

рал силу, в литературе и искусстве оставались «ниши» для относительно свободного развития. До конца 1920-х гг. в провинциальной России происходил подлинный расцвет писательского творчества: рождались новые литературные направления и группы, издавались оригинальные журналы и увеличивалось их число, развивалась конкуренция творческих союзов, переходившая иногда в яростную идейную и литературную борьбу друг с другом. 1920-е годы породили в Сибири целую плеяду талантливых писателей и поэтов, получивших широкую литературную известность и заслуженное признание в стране – Владимир Зазубрин, Николай Анов, Вивиан Итин, Павел Васильев, Леонид Мартынов, Валериан Правдухин, Ефим Пермитин, Всеволод Иванов... Общее число только официальных членов писательских союзов Сибири в 1929 году составляло 150 человек².

Положение радикально изменилось на рубеже 1920–1930-х годов, в период «наступления социализма по всему фронту». Коллективизация, хаотическая урбанизация и очередной «режим экономии» создали прежде всего невероятные трудности материального порядка. Внезапно исчезли все прежние условия литературного труда и быта. Часть журналов и издательств, потерявших государственную поддержку, прекратила существование, а уцелевшие перешли на нищенское положение: для них не стало ни денег, ни полиграфической базы и даже бумаги, чтобы издавать книги и статьи. В конечном счете литературный труд в провинции потерял всякую ценность и обрек массу писателей, поэтов и художников на полуголодное существование.

Начало 1930-х годов – период самого глубокого кризиса писательского сообщества в провинции за все время советского режима.

Отчаянное и, очевидно, просто безвыходное положение, в котором оказалась масса творческих людей, становится причиной целого потока писем и жалоб к хозяевам советских жизненных благ – коммунистическим руководителям. Эти горестные письма и обращения – новый и необычный жанр, новый стиль и язык взаимоотношений писателей и власти. В них отчетливо виден путь окончательного закрепощения литературы государством, путь превращения писателей в художественную службу для властей. Унизительные, подобоострастные и жалостные прошения по поводу квартир, карточек и «удовлетворения обедами» отражают саму суть формирования сервильных отношений: чтобы заниматься творческим трудом или хотя бы выжить в новой советской действительности, требуется пройти ряд важных процедур – нужно попасть в заветный номенклатурный список, отвоевать место в каком-нибудь распределителе дефицитных

² Советская Сибирь. 1929. 27 декабря.

товаров, важно «прикрепиться», стать получателем особых пайков или обладателем пропуска в «специальную» столовую на правах «номенклатурных работников». Достижение этих желанных рубежей захватило многих провинциальных литераторов и превратилось в главную цель повседневных писательских забот.

В октябре 1932 года председатель Западносибирского оргкомитета Союза советских писателей, главный редактор журнала «Сибирские огни» А. Высоцкий обращался к председателю крайисполкома Ф. Грядинскому. Он отмечал, что вопрос о материально-бытовом положении писателей края «является особенно острым», и просил наладить постоянное снабжение «по потребности».

«Некоторое время тому назад, – жаловался он, – были урегулированы вопросы с получением карточек первой категории, прикреплением части писательского актива к столовым и распределителям. Но это все почти каждый месяц подвергается пересмотру, каждый месяц встает вопрос о том, чтобы добиться оставления т.т. [товарищей] при столовых. Кроме того, обедами удовлетворены не полностью – некоторым дано обедов меньше фактической минимальной потребности. К распределителям отдельные товарищи не прикреплены, некоторые состоят в распределителях случайно (т. Непомнящих буквально “чудом” попал в распределитель от групп и все время ждет когда его оттуда выгонят и хорошо, если безнаказанно). Чтобы получить прикрепление к распределителю, т. Итину пришлось взять справку из Москвы, что он там внесен (и без его ходатайства) в число писателей по так называемому “совнаркомовскому” списку и только после этого получил здесь прикрепление. Необходимо поручить авторитетной комиссии просмотреть это прикрепление к столовым и распределителям и твердо установить контингент, нормы и т. п., сделать это прикрепление постоянным».

Столь же острым и «крайне тяжелым» писательский проситель называл «квартирный вопрос». «Здесь ничего не сделано, несмотря на просьбы в Горсовете, – подчеркивал А. Высоцкий. – Из-за скверного снабжения, из-за отсутствия квартир писатели Чертова и Никитин из Новосибирска уехали в Москву... Сейчас без квартир находятся Итин, Кудрявцев, в крайне скверных квартирах живут Вяткин, Пушкарев, Гиршликович (у Вяткина квартира представляет руины, в которых зимой температура ниже нуля). Это стимулирует отъезд из Новосибирска.<...> Выходом из положения было бы строительство дома для писателей...»³

³ ГАНО. Ф. П. 981. Оп. 1. Д. 86. Л. 86 об., 87. Этот же автор направлял письма аналогичного содержания в крайком ВКП(б) и крайисполком также в феврале 1932 г. (ГАНО. Ф. П. 981. Оп. 1. Д. 118. Л. 23–26, 86–90).

Очевидно, жалобы и просьбы писателей не произвели ожидаемого эффекта и большей частью ушли в песок. Спустя год «мастера слова» подготовили новое обращение к партийным «верхам». Летом 1933 года они направили коллективное письмо самому большому начальнику края – секретарю крайкома ВКП(б) Р. Эйхе. Письмо (его подписали В. Вихлянцев, Г. Вяткин, К. Урманов, А. Коптелов, Г. Павлов, И. Мухачев, Н. Титов и другие – всего 11 литераторов) содержало те же ходатайства по поводу издательских проблем, квартир и «удовлетворения обедами по потребности»⁴.

«Не один раз, – говорилось в нем, – мы обращались в КрайИсполком, в Горсовет за разрешением жилищного вопроса, но он так и остается висящим в воздухе.<...> Мы просили бы здесь хотя бы о частичном снабжении нас квартирами, а затем о включении нас в строящиеся дома общежития, куда нас не принимают, так как мы не имеем юридического лица и средств на вложение их в строительство. Мы не отказываемся от выкупа квартиры, но денег на строительство дать не можем».

Но особое внимание авторы вновь уделили вопросу о питании и прикреплении к распределителю. «В 1932 г.<...> 18 писателей активистов (из общего числа в 38 человек), было прикреплено к Закрытому распределителю КрайИсполкома Лит. Б и два – лит. А. [категории А и Б. – С. П.]. Мы получали муку, масло сахар, крупы и т. д. В декабре 1932 г. этот распределитель перешел к Акорту и положение писателей резко ухудшилось. Из 18 чел. в распределителе было оставлено только 14 и то по последней категории. Писателям прекратили выдачу муки, масла, сахара и др. прод., в то время как шоферам, бухгалтерам эти продукты выдаются в этом же распределителе. Мы пользуемся только рынком.

В 1932 г. мы получали 40 обедов в столовой № 8, 12 – в столовой № 7 и 12 – в столовой № 9. В этом году нам дали 31 обед в столовой № 8 и 8 обедов в стол. № 9. Большинство из нас не получают никаких обедов»⁵.

Под влиянием голода и нужды многие литераторы бросились искать более подходящие места для существования. Некоторым из них удалось переехать в Москву, Ленинград или другой крупный город, где условия оказались не столь ужасны, как в Сибири или на Дальнем Востоке. Наиболее удачливыми стали авторы публикаций, отмеченных всероссийской критикой и поддержанных кем-либо из советских

⁴ См. подробнее: Папков С. А. Голос отчаяния // Сибирские огни. 2016. № 2.

⁵ ГАНО. Ф. П. 3. Оп. 13. Д. 109. Л. 239–244.

«литначальников». Сибирь в этот период покинули десятки творческих людей: Н. Чертова, Е. Пермитин, М. Никитин, А. Маленький, Томский, А. Добычин и др.

Новые материальные и идеологические условия в стране полностью изменили и сам творческий процесс. С 1929–1930 годов начинается активная фаза «большевизации пролетарской литературы». «Попутничество» и «попутчики», «не осознавшие классовой сущности революционных процессов», становятся нетерпимы в литературном мире. Их изгоняют из журналов и газет, лишают источников существования за счет литературного труда. Одновременно под эгидой писательских союзов возникают различные формы квазилитературной деятельности: некие кружки и ассоциации, призванные вовлечь массу рядовых рабочих и крестьян в писательский процесс. Это – так называемый «призыв в литературу рабочих-ударников», выражавший собой один из элементов большевистской утопии, согласно которой обычные рабочие, наделенные способностями к сочинительству, должны внести в литературу и поэзию некий особый вклад. Естественно, что эта анекдотическая затея вскоре была похоронена как временное увлечение, но ущерб от нее был очевиден: многим творческим людям пришлось потратить силы и время на организацию подобных мероприятий, заниматься поисками и учебой «ударников литературы», редактировать и издавать сборники с их «сочинениями».

Однако и творчество самих профессиональных литераторов кардинально меняет ориентиры. Свободному этическому самовыражению, так ярко проявившемуся в литературе эпохи нэпа (В. Зазубрин, Н. Анов, Л. Маргынов и др.), приходит конец. Писателям и поэтам начинают давать теперь прямые указания развивать «поэзию и прозу производства» («создавать Магнитострой литературы» – Л. Каганович), внедрять литературу «низовых читательских масс», «идти в ногу с партией и рабочим классом», освещая «рождение нового советского человека»⁶.

Литературный процесс в провинции окончательно скатился в болото политической конъюнктуры. «Замолкла в нас музыка, под которую плясала жизнь, вот и все. Вся молодость умерла где-то там, в конце света, в тишине истины... Истина этого мира – смерть. Нужно выбирать: умереть или врать...», – записал в свой дневник А. Фадеев в декабре 1934 г. слова из романа Ф. Селина⁷.

⁶ См.: Литература сибирская // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск: Зап.-Сиб. отд. ОГИЗ, 1932. Т. III; Очерки русской литературы Сибири. Т. 2: Советский период. Новосибирск: Наука, 1982.

⁷ Авченко В. Фадеев. М.: Молодая гвардия, 2017. С. 323. [Серия: ЖЗЛ].

Унижение и голод, пайки и распределители – эффективный, но не единственный инструмент «идейно-политического воспитания» новой советской интеллигенции. На другом фланге одновременно внедрялись иные способы контроля над интеллектуальной сферой – периодические акции государственного террора – операции ОГПУ-НКВД против потенциальных (чаще вымышленных) идейных противников и лиц, проявлявших нелояльность режиму.

Документальные источники позволяют восстановить последовательность и характер чекистских погромов, коснувшихся писательской среды в провинции с начала 1930-х годов. Первые акции ОГПУ распространялись в основном на лиц, состоявших под подозрением из-за «буржуазного происхождения» либо из-за причастности в прошлом к антибольшевистским партиям. Поскольку чекистские операции этого периода проводились в форме широкой (но негласной) политической кампании, через аресты и следственные процедуры прошел едва ли не каждый литератор «из лагеря бывших людей». Режим, однако, еще сохранял видимость законности: после нескольких месяцев следственной тюрьмы часть арестованных была выпущена на свободу «за недостатком улик» и смогла вернуться к прежним занятиям. Подобный исход дела, в частности, пережил П. Л. Драверт – поэт, геолог и геофизик из Омска, арестованный во 2-й половине 1930 годов и освобожденный в конце 1931 года.

В марте 1931 года в Новосибирске вместе с десятками других подозреваемых лиц, причастных к мифическому «белогвардейскому заговору» («дело генерала Болдырева»), был арестован Максимилиан Кравков – автор приключенческих повестей и книг, занимавший в этот период место скромного зрителя в Новосибирском городском музее (в 1920-м и 1922 гг. подвергался аресту как бывший эсер). Не обнаружив причастности к «заговору», его также вскоре освободили.

В 1931 году (повторно после 1921-го) по сходному сценарию арестовали поэта, прозаика, журналиста Порфирия Казанского (до революции – редактор газеты «Жизнь Алтая»). В ОГПУ он числился как «бывший меньшевик» и подозревался в причастности к антисоветскому заговору. После непродуктивного тюремного срока его выпустили на свободу, чтобы вновь и уже окончательно взять в 1937-м.

Жертвами «белогвардейского заговора» начала 1930-х годов оказались также сотрудники, иллюстраторы журнала «Настоящее», талантливые художники Алексей Воцакин и Степан Липин. Хотя журнал принадлежал «левацкой» группе и отличался крайне негативным отношением к традиционным формам литературы, но именно художники смогли придать ему яркий неповторимый образ в ряду наиболее популярных изданий в Сибири конца 1920-х годов. Оба художника

были арестованы в 1933 году, приговорены во внесудебном порядке к 10 годам лагерей и расстреляны в 1937 году⁸.

Наконец, еще одна группа талантливых литераторов, сформировавшаяся в провинциальной России, была разгромлена ОГПУ в 1932 году. Эта группа как небольшой литературный кружок образовалась в Сибири в 1928 году из молодых поэтов и прозаиков – Николая Анова, Сергея Маркова, Леонида Мартынова, Павла Васильева, Евгения Забелина и др., а в начале 1929-го целиком перебралась в Москву и стала именовать себя «Сибирская бригада» (ранее – группа «Памир»)⁹. Ее участники никогда не занимались политикой и не принадлежали к какой-либо партии; они лишь проводили личные встречи и вечеринки, писали и читали в своем кругу уже опасные произведения о Колчаке, революции, чекистском произволе. Ведущую роль в ней играли Н. Анов и Л. Мартынов («один из крупнейших поэтов XX века», как сказал о нем Ст. Куняев). В январе 1932 года большинство группы было арестовано. Чекистское «следствие», продолжавшееся около полугода, завершилось известным итогом: ОГПУ оформило «антисоветскую шпионско-диверсионную организацию “Сибиряки”, и четверо молодых людей – Н. Анов, Л. Мартынов, Е. Забелин, С. Марков – получили приговор к ссылке на север на три года; двум остальным – Льву Черноморцеву и Павлу Васильеву – дали условный срок. Однако в 1937 году часть из тех, кто отбывал ссылку, вновь была репрессирована.

Трудно судить о том, насколько писательские судьбы сибиряков имели сходство с судьбами литераторов других провинций России. Для этого не хватает полноты сведений. Но даже сибирских примеров достаточно для очевидного вывода: акции государственного террора наносили культуре тяжкий урон и оказывали огромное влияние на течение литературной жизни.

С 1936 года в стране началась новая, еще более мрачная, фаза политических чисток, организуемых НКВД. В этот период в Новосибирске возникло «дело» очередной писательской группы, теперь уже как «контрреволюционной организации троцкистов», в которой фигурировали члены ВКП(б) и комсомольские «литературные активисты». Речь идет об аресте бывших участников «левацкой» группы, составлявших редакцию журнала «Настоящее» и их сторон-

⁸ Художники народов СССР: биобиблиогр. словарь. М., 1972. Т. 2. С. 353.

⁹ Сведения об этой группе найдены и опубликованы Ст. Куняевым. См.: Огонь под пеплом: Дело «Сибирской бригады» // Наш современник. 1992. № 7. С. 149–159.

ников – А. Панкрушина, И. Нусинова, А. Гендона, Н. Степанова, А. Смердова, В. Зверева, В. Александрова и др.¹⁰

Журнал, издававшийся группой с 1928-го по 1930 год, не просто выступал как шумная литературная оппозиция, смело критиковавшая писательские авторитеты страны, но и служил пристанищем сторонников секретаря Сибирского крайкома ВКП(б) С. И. Сырцова, который оказывал журналу покровительство и поддержку. Однако после политического краха Сырцова члены редакции «Настоящего» автоматически превратились во врагов партии. Журнал был закрыт; большинство сотрудников «Настоящего» из-за травли покинули Новосибирск¹¹.

С февраля 1936 года начались аресты. На основе донесений секретных агентов первыми были взяты трое молодых литераторов из Новосибирска – А. Панкрушин, А. Смердов и В. Зверев, обвиненные в хранении нелегальной литературы (книг Троцкого и Зиновьева) и создании троцкистской организации. Другие их «преступления» заключались в «организации контрреволюционной вылазки в печати» (публикация в молодежной газете осенью 1935 г. восторженного отзыва о книге Дж. Рида «Десять дней, которые потрясли мир») и содействии публикации в 1933 году в журнале «Сибирские огни» «антисоветского очерка» А. Бека и Л. Тоома «Доменщик Курако».

В июле 1936 года дело «троцкистской группы» Панкрушина было заочно рассмотрено внесудебным порядком – в Особом совещании при НКВД СССР. В. Зверев и В. Александров получили по три года исправительно-трудовых лагерей, А. Панкрушин – пять лет ИТЛ. Тюремное заключение они отбывали в Воркутинских лагерях ГУЛАГа.

Вслед за разгромом «группы Панкрушина» последовали аресты остальных сотрудников журнала «Настоящее» – Н. Степанова и А. Гендона. Их также обвинили в причастности к троцкистской организации, а затем постановлением ОСО от 2 июня 1937 г. приговорили к пяти и восьми годам ИТЛ.

Но аресты и казни 1937–1938 годов абсолютно превзошли все прежние акции ОГПУ–НКВД. Различий между отдельными социальными группами и идейными направлениями больше не существовало. Перестало служить защитой и членство в партии большевиков. Террор принял характер всеобщей чистки, захватывая все слои интеллигенции.

¹⁰ Архив УФСБ по НСО. Д. 18812.

¹¹ См.: Папков С. Организация писателей Сибири и НКВД: погром 1936 года // Сибирские огни. 2011. № 2.

Восстановить целостную картину и окончательный список репрессированных писателей провинции пока не представляется возможным исключительно по той причине, что список этот слишком широк. И чем больше раскрывается архивов спецслужб, тем больше всплывает новых имен и новых фактов произвола. Поэтому ясность есть только в одном: сталинский режим совершил крупнейший погром в области литературы, уничтожив значительный пласт национальной культуры.

Даже простое перечисление репрессированных дает впечатляющие результаты. В Западной Сибири, например, из шести членов Союза советских писателей арестованы были все до одного – В. Итин, А. Ансон, М. Кравков, М. Ошаров, П. Гинцель, Г. Вяткин. В Иркутске – прозаики И. Гольдберг, П. Петров, издатель М. Басов, поэт А. Балин. Часть сибирских литераторов – В. Зазубрин, Е. Пермитин, А. Топоров, В. Правдухин и др. – была репрессирована и погибла уже после переезда в другие регионы страны.

Внезапному аресту в равной степени подвергались зрелые писатели и начинающие литераторы-журналисты. И только случайные обстоятельства, умение изолироваться, скрыться от официальных властей помогли избежать гибели, как это удалось, например, Георгию Маркову, известному советскому писателю, рассказавшему в личных воспоминаниях о своем опыте выживания в Сибири в период массовой операции НКВД 1937 года¹².

Важно иметь в виду и другое: за именами более или менее известных литераторов открывается круг многочисленных газетных работников и публицистов – журналистов, редакторов и издателей, активно формировавших литературно-публицистическую среду и самих писателей. Количество жертв террора в этой сфере также чрезвычайно велико. Стоит лишь назвать имена редакторов одной краевой газеты «Советская Сибирь» 1920–1938 годов, чтобы увидеть общий масштаб человеческих потерь: Л. Суница, И. Шацкий, Б. Резников, А. Курс, В. Егер, М. Лифшиц, Б. Каврайский, И. Ляшенко, Г. Тимофеев, Я. Альперович – все они были арестованы и погибли либо прошли через лагерь Гулага.

Восстановление остальных имен в общем списке потерь, понесенных российской национальной культурой, должно быть продолжено.

¹² Марков Г. Не поросло быльем. URL: <http://magazines.russ.ru/din/2006/3/mar1.html>